

В свободном полете: энергорынку ищут модель развития

Что ждет российскую электроэнергетику: дальнейшая приватизация или новая национализация? Своим мнением о судьбе российской энергетической реформы с корреспондентом «ЭПР» поделился директор Центра стратегических разработок «Северо-Запад» Владимир Княгинин.

Первый этап реформы энергетики завершился в 2008 году ликвидацией РАО «ЕЭС России» и появлением ряда независимых генерирующих компаний. Однако уже в начале прошлого года четыре энергетические госкорпорации «Росатом», «РусГидро», «Интер РАО ЕЭС» и «Газпром энергохолдинг» контролировали более половины всех генерирующих мощностей страны.

Рынок не справился – призовем государство?

– Владимир Николаевич, на ваш взгляд, реформа не была доведена до конца или была ошибочна в корне?

– На мой взгляд, реформа РАО ЕЭС предполагала, что появление конкурентного рынка, в частности в сфере энергоресурсов и генерации, мгновенно приведет к появлению бурлящей новой экономики. Не привело.

Реформа обнажила несколько проблем. Первая связана с внутренним устройством крупной инфраструктурной отрасли: когда систему, сложившуюся в 1950-60-е годы, начали дробить и уничтожили субъект, отвечающий за целое, целое стало рушиться.

Вторая проблема: как при гиперконцентрированной генерации, основанной на планомерно растущих в цене ресурсах, и при централизованных сетях удержать стоимость электроэнергии в приемлемых для общества, потребителей пределах?

И третья: как сохранить инвестиционную привлекательность отрасли? Когда происходила приватизация, опытные инвесторы считали по-своему, а все прочие и спекулянты считали просто: брали цену 1 кВт мощности у нас и за рубежом, прогнозы по росту тарифов и спросу на дополнительные мощности и решали, что отрасль недооценена, надо покупать активы. А тут – кризис.

В кризис прибыльность инфраструктурной отрасли падает, частный капитал теряет к ней интерес и государство под разными предлогами вынуждено наращивать свое присутствие в отрасли.

То, что архитектуры нашей электроэнергетической системы, имевшейся на конец 2008 года, более не существует, – очевидный факт. Но у меня нет настроения крайнего пессимизма: реформа должна проводиться, и тянуть с ней нельзя, а сейчас идет нормальный процесс корректировки. Государство вынуждено реприватизировать не самую доходную отрасль.

– Каковы тенденции развития?

– На мой взгляд, сейчас в отрасли идут два процесса: первый – консолидация активов, то есть формирование олигополий, как на любых зрелых рынках, например в мировой автомобильной промышленности. Можно этому сопротивляться через антимонопольное регулирование, но только до каких-то пределов.

С первым процессом коррелирует второй – идет оптимизация расходов компаний из-за кризиса. Особая сложность электроэнергетики как отрасли состоит в том, что нужно удерживать цену ресурса и сохранить инвестиционную привлекательность.

Сегодня почти все компании демонстрируют убыточность или, как минимум, снижение прибыли. Отсюда коллизии с маржой: генерация, сети, сбыт – каждый говорит, что у него недостаточная доля в тарифе. И начинается: давайте порежем инвестпрограмму тому или этому. Порезали. Счастья не наступило.

– Какой может стать архитектура рынка?

– Прежде чем прогнозировать будущее, надо решить вопрос с перекрестным субсидированием и сохранением привлекательности отрасли для инвестора при сохранении экономической устойчивости основных игроков рынка.

Существуют две концепции. Приверженцы одной считают, что надо сохранять централизованную электроэнергетику, но повышать тарифы. Приверженцы второй полагают, что единственный выход – в системном изменении организации рынка; в отсоединении от централизованной сети. Есть компании, которые сделали ставку на распределенную генерацию, крупные и уже не очень потребители строят свои электростанции.

Выбор будущей архитектуры рынка электроэнергетики – политика, которая требует соблюдения баланса интересов участников рынка в разных секторах.

Допустим, Барак Обама, когда делает ставку на зеленую энергетику, знает, что в этой сфере занято больше его избирателей, чем в традиционной энергетике. В Германии решение о закрытии АЭС принимали не эксперты в области электроэнергетики, а избиратели, что показывают опросы общественного мнения. Япония решила отказаться от АЭС после Фукусимы тоже из-за общественного давления, хотя ей труднее, чем Германии, – она не вкладывала достаточных средств в возобновляемые источники и вынуждена переходить на газ, уголь.

У нас сложно принять решение из-за наследия СССР – действующей инфраструктуры, построенной в 1950-60-е годы под советский образ жизни. Китайцам легче – они все строят с нуля.

Пока мы выбор не сделали и пребываем в патовой ситуации; каждый ход – цугванг, который ухудшает положение, и мы терпим поражение. Отсюда не самое простое, но самое доступное: рынок не справился – призовем государство.

Минимальный пакет социальных программ

– Но разве это по силам для бюджета?

– Энергетика – инфраструктура, и, чтобы изменить ее архитектуру, надо менять ее технологическую основу. Это огромные деньги, которых частный инвестор в короткие сроки найти не сможет, тем более в кризис.

Есть чуть ли не единственный положительный пример таких реформ: Дания стала уходить от централизованной в распределенную энергетику. Но Дания это делала вовсе не в кризис, а после него, напуганная ростом цен на углеводороды.

Что касается субсидий государства, то зеленая энергетика во всем мире держится на них. «Большая двадцатка» решила бороться с субсидиями в углеводородной энергетике и сохранить помощь возобновляемой. Кстати, мы при этом попадаем под значительные ограничения.

– Цитирую Геоэкономический атлас мировой энергетики фонда «Северо-Запад»: «Энергетическая картина мира резко меняется... Международное энергетическое агентство предсказывает, что к 2015 году возобновляемые источники выйдут на второе место в структуре производства электроэнергии, а к 2035 году их доля приблизится к доле угля. В Германии перекрестное субсидирование связано с развитием перспективных видов энергетики, а у нас со старыми и со страхом перед бунтом нищего народа из-за счетов за электричество?»

– Задача многих стран – выйти на smart grid, умные сети. Думаю, к 2030 году все развитые страны с этим справятся. Мы со стопроцентной вероятностью не будем здесь лидерами, но вынуждены будем тоже перейти на новые технологии. Новая экономика потребует этого.

– Российское государство замещает частный капитал в инфраструктуре, и в результате надо ждать сокращения ассигнований на бюджетную сферу и социальные программы?

– Мы не богатая страна, но мы можем гарантировать своим гражданам минимальный пакет социальных программ.

Я только что вернулся из Китая. Китайцы говорят: «У нас, в отличие от вас, недостаточно инфраструктуры, и мы ее построим. У нас, в отличие от вас, нет социальных гарантий: медицинского и пенсионного страхования и т. д., и мы их создадим, потому что переход к урбанистическому образу жизни требует другого отношения к согражданам». Не сомневаюсь, китайцы за десять-пятнадцать лет сделают и то, и другое.

– Китай создает все это за счет бюджета или же частных инвестиций?

– Китайцы еще в 1978 году решили, что социализм и рынок совместимы. Там огромные государственные инвестиции и какие-то частные. Допустим, государство строит огромный порт, а частный бизнес финансирует один причал.

Дело еще и в том, что частный капитал не любит рисковать. Международное энергетическое агентство отмечает, что частному инвестору не нужны огромные объекты с большой долей госучастия и госрегулирования в секторе, с непредсказуемыми рисками по реализации продукции и с капиталом, замороженным в строительстве на годы.

– А нет ли в реприватизации энергетики угрозы рыночному характеру современной российской экономики в целом?

– Конечно, нет. В социализм мы не сможем вернуться, даже если бы захотели.

Беседовала Елена НЕПОМЯЩАЯ